

Иван русский богатырь

Жил-был Иван русский богатырь. Пошел раз на охоту. Ходил-ходил, пришла ночь — заблудился. Ночевать надо. Увидел огонек, стоит избушка. «Избушка, избушка, встань по-старому, как мать поставила!» Избушка стала к лесу задом, к нему передом. Зашел Иван русский богатырь в эту избушку. В той избушке сидит князь Медведь на печном столбе. «Ох, фу-фу-фу! Русскую костку слыхом не слышать и видом не видать, а она сама ко мне в избу пришла! Иван русский богатырь, поставь мне конюшенку, чтобы до утра за ночь готова была, а если не будет готова, то я тебя съем».

Иван русский богатырь вышел на крылечко и закручинился-запечалился. Настасья Прекрасная, дочь Медведя, его увидала: «Что ты, Иван русский богатырь, кручинишься, что ты печалишься?» — «Как мне не кручиниться, как мне не печалиться? Твой батюшка велел мне за ночь до утра поставить конюшенку». А она отвечает: «Ложись спать. До утра все будет готово».

Он лег. Она в полночь вышла на красное крылечко, свистнула, крикнула богатырским голосом, молодецким посвистом: «Ой еси вы, батюшкины слуги, не пора спать, а пора вставать, пойти на работу».

Все батюшкины слуги соскочили, кто лес рубит, кто двери делает, кто пол ладит — делают все как полагается. Когда все сделали, она пришла, будит Ивана: «Иван русский богатырь, не пора спать — пора вставать! Батюшка застанет в постели — съест».

Иван русский богатырь встал, умылся и пошел. Пришел князь Медведь и говорит: «Сослужил ты мне службу, сослужи вторую — отдам за тебя дочь Настасью Прекрасную. Поставь ты мне мост через огненную реку. Тоже чтобы к утру готов был, чтобы ехать было можно. Устели сукном кармазинным, убей гвоздями лужеными».

Иван русский богатырь вышел на красное крылечко, закручинился, запечалился еще пуще того. Настасья Прекрасная увидела его и говорит: «Что ты кручинишься, что ты печалишься?» — «Как же мне не кручиниться, как же мне не печалиться? Твой батюшка велел мне мост построить к утру, устлать сукном кармазинным, убить гвоздями лужеными». — «Ложись спать. За ночь до утра все будет готово».

Иван русский богатырь спать лег. Настасья Прекрасная в двенадцать часов вышла на крылечко, свистнула, крикнула богатырским голосом, молодецким посвистом: «Ой еси, батюшкины слуги, не пора спать, а пора вставать!» Все слуги поднялись: кто мост ставит, кто шерсть прядет, кто ткёт, кто гвозди куёт, кто гвозди лужит, кто сукном устилает, кто гвоздями убивает. Значит, мост готовый будет.

Настасья Прекрасная пришла Ивана богатыря русского будить: «Иван русский богатырь, не пора спать, а пора вставать! Батюшка захватит на постели — съест».

Иван русский богатырь встал, умылся. Князь Медведь идет. Подходит к Ивану, стукнул по плечу и говорит: «Ну, Иван русский богатырь, сослужил ты мне службу, сослужил вторую, сослужи третью — отдам я за тебя Настасью Прекрасную. Поймай мне двух львов, двух лютых».

Опять стоит Иван русский богатырь, кручинится, печалится, как, дескать, двух львов словить. Настасья Прекрасная увидела его и говорит: «Что, Иван русский богатырь, кручинишься, что печалишься?» — «Как мне не кручиниться, как мне не печалиться? Твой батюшка приказал мне поймать двух львов, двух лютых, чтобы они друг с дружкой дрались, а я стоял бы да кнутиком постегивал». Она ему сказала: «Ложись спать, до утра все будет готово».

Вышла Настасья Прекрасная на красное крылечко, свистнула, крикнула богатырским голосом, молодецким посвистом: «Ой еси, батюшкины слуги, не пора спать — пора вставать».

Поднялись слуги, пошли ловить львов. Поймали двух лютых львов, привели, а они друг с дружкой дерутся.

Настасья Прекрасная пришла будить Ивана русского богатыря: «Иван русский богатырь, не пора спать — пора вставать! Батюшка застанет на постели — съест». Иван русский богатырь встал, умылся, берет львов на руки у слуг, кнутиком постегивает.

Встал князь Медведь, пошел к Ивану русскому богатырю: «Вот, Иван русский богатырь, сослужил ты мне: построил ты мне конюшенку, поставил мост и поймал мне двух львов, двух лютых. Бог благословит за тебя Настасью Прекрасную».

Стали о свадьбе говорить, а свадьба у них недолго затянулась. Свадьба — не пир пировать, не столы столовать, а крутым пирком да и за свадебку.

Вот Настасья Прекрасная говорит Ивану русскому богатырю: «Иван русский богатырь, нас соберется семь девиц на одну рожу, под одну кожу, под одно платье цветное. Ты на меня смотри, а я с ноги на ногу башмак переменю».

Привели Ивана русского богатыря посмотреть, он показывает: «Вот моя сужена, вот моя ряжена». Медведица на это говорит Медведю: «Наша Настя хитра-мудра, нас перехитрит и нас перемудрит. У нашей Насти ручки беленькие, пальцы тоненькие, глаза — поволока, речь — перемолвка». Медведь отвечает: «Ты баба, по-бабьи и судишь».

Этот день покончился.

Настасья Прекрасная опять говорит Ивану русскому богатырю: «Нас соберется снова семь девиц под одну рожу, под одну кожу, под одно платье цветное. Ты на меня смотри. Я кольцо с руки на руку переменю».

Иван русский богатырь на этот раз опять узнал и говорит Медведю: «Вот моя сужена, вот моя ряжена». Медведица говорит князю Медведю: «Наша Настя хитра-мудра. Нас перехитрит, нас перемудрит. У нашей Насти ручки беленькие, пальцы тоненькие, глаза — поволока, речь — перемолвка». А он ей говорит: «Ты как баба, так и сиди по-бабьи».

Не понравились ему ее речи — хитрей, дескать, дочь-то оказалась.

На третий день Настасья Прекрасная говорит Ивану русскому богатырю: «Нас соберется семь девиц под одну рожу, под одну кожу, под одно платье цветное. Ты смотри на меня. Я мух с лица смахну».

Опять угадал Иван русский богатырь: «Вот моя сужена, вот моя ряжена». Медведица говорит: «Наша Настя хитра и мудра. Нас перехитрит и нас перемудрит. У нашей Насти ручки беленькие, пальцы тоненькие, глаза — поволока, речь — перемолвка. Нам не пир пировать, не столы столовать — крутым пирком да и за свадьбу».

Вот молодые спать полегли, и старики спать полегли. Глухая полночь приходит. Настасья Прекрасная своему Ивану русскому богатырю и говорит: «Не пора спать, а пора вставать. Вставай! У батюшки вся постройка сгорела».

Он встал — удал, умылся и пошел в новую конюшню. Она ему показывает: «Бери узду ненадеванную, бери коня неезженного, седелку новую и хомут новый, чтобы все было ненадевано. И телега, и вожжи — как есть, чтобы все новое»,

Так он и сделал.

Поехали, а старики спят. Вот едут, Настасья Прекрасная и говорит: «Остановись, Иван русский богатырь. Встань, припади к земле: не едет ли за нами батюшка в погоню». Он слез с коня, припал к земле: «Стонет земля, и вянет трава. Едет за нами батюшка в погоню». Она встала, распрягла лошадь, сняла всю сбрую, сделала всех как есть овечками, сама сделалась пастухом, а Ивана русского богатыря — кнутиком.

Пасет: ходит старый, седой пастух, а кнутик-то у него весь исхлопался. Подъезжает отец, князь Медведь, спрашивает: «Дедушка, давно ли ты пасешь?» — «Да давно, батюшка». — «Не видал ли ты тут мужика с бабой». — «Тогда я, батюшка, видал, когда я сам был молоденок, а овечки были беленькие, а кнутик не исхлопался».

Ну, тот подумал-подумал, видит: овечки грязные, пастух седой, кнутик исхлопался весь — вон когда давно было! — и воротился домой.

Медведица спрашивает: «Ну, как съездил, кого видел?» — «Никого не видал, только видал одного старика-пастуха — пасет овечек». Она ему и говорит: «Наша Настя хитра и мудра. Нас перехитрит и нас перемудрит. У нашей Насти ручки беленькие, пальцы тоненькие, глаза — поволока, речь — перемолвка».

А Настя Прекрасная сделала все как было. Сели на телегу, дальше поехали. Вот едут, Настасья Прекрасная и говорит: «Иван русский богатырь, встань, припади к земле: не едет ли за нами батюшка в погоню?» — «Стонет земля, вянет трава — едет за нами батюшка в погоню». Настасья разобрала все — собрала церковь: сама попом, а Иван русский богатырь крестиком на церкви. Кадиленку в руки взяла, ходит вокруг церкви, кадиленкой помахивает.

Медведь подъехал и говорит: «Не видел ли, кто здесь проехал?» А поп говорит ему: «Тогда я, батюшка, видел, когда был молоденок, а крест был светленок, а церковь мохом не обросла. Тогда ехал мужик с бабой».

Медведь думал-думал — больше ехать некуда, спросить некого. Поехал обратно.

Вот Иван богатырь русский и Настасья Прекрасная разобрались, дальше поехали. Приехал князь Медведь домой, а Медведица спрашивает: «Ну, кого видел?» — «Никого не видел, только пидел одного батюшку: старый-престарый, седой, ходит вокруг церкви в ограде и кадит. Я спросил, не видал ли он мужика с бабой. Видел, говорит, мужика с бабой, когда сам был молоденок, а крестик был светленок, тогда ехал мужик с бабой». Тогда Медведица и говорит: «Вот что я тебе говорила: наша Настя хитра-мудра, нас перехитрит и перемудрит. У нашей Насти ручки беленькие, пальцы тоненькие, глаза — поволока, речь — перемолвка!» Теперь Медведь и говорит Медведице: «Поезжай ты!»

Едут Настасья Прекрасная и Иван русский богатырь. Вот Настасья Прекрасная и говорит: «Иван русский богатырь, встань, припади к земле: не едет ли за нами батюшка в погоню?» — «Стонет земля, вянет трава! Едет за нами батюшка в погоню». Настасья Прекрасная распрягла лошадь, сбрую сделала берегами, сама сделалась водой, а Ивана русского богатыря — селезенком.

Медведица ехала-ехала и приехала к морю — дальше ехать некуда. Из правого рукава выпустила змею: «Пей, змея, воду!» Змея стала пить воду. Пила-пила, пила-пила — уж берег стал обсыхать, селезенок по камешкам перебирается. Настасья Прекрасная и говорит: «Кабы по батюшкину благословенью да по матушкину повеленью, змея-то бы лопнула!» Она и лопнула, змея-то. Воды еще более того разлилось. Медведица постояла-постояла у берега — ехать некуда больше, кругом море. И вернулась домой. Приехала и говорит: «Больше ехать некуда». Ну, а Медведь ей и говорит, муж-то ее, дескать, правда твоя.

А Настасья Прекрасная и Иван русский богатырь разобрались, когда мать уехала, и опять собрались как полагается и поехали дале, дале и дале от этого места. И едут, и едут, и едут... Наконец, доехали, облюбовали себе место прекрасное, которое им понравилось. Раскинули шатер, насыпали лошади белояровой пшеницы.

Ну, вот они тут оседлость сделали, стали жить. Уж много ли — мало ли, долго ли — коротко ли — уж это не скажу. Потом уж он стал прислоняться к этому месту, пригляделся, стал ходить на охоту Иван русский богатырь. День ходит, два ходит, три ходит. Применяется все к месту, приучается.

Потом как-то раз приходит с охоты и говорит: «Я, Настасья Прекрасная, будто бы признаю село, где раньше жил. Залезал на гору, смотрел». Во второй раз приходит и говорит: «Ты меняпусти сходить, узнать — я хоть посмотрю своих родных». — «Нет, Иван русский богатырь, не пущу», — «Пусти, пожалуйста!» — «Нет, не пущу!» — «Пусти, я тебя прошу!» — «Нет, не пущу!» — «А почему не пустишь?» — «А потому, что ты в село свое придешь, с девками, с бабами поцелуешься и парного молока нахлебаешься, про меня забудешь». — «Нет, Настасья Прекрасная, с девками, с бабами целоваться не буду и парное молоко хлебать не буду». — «Нет, поцелуешься, нахлебаешься». — «Нет, не стану, не буду».

Ну, она его отпустила. Только успел зайти в деревню — с девками, с бабами поцеловался, парного молока нахлебался.

Не скоро дело делается, а скоро сказка сказывается. Смотрит Настасья Прекрасная, что он прожил неделю, прожил две, прожил три и все нет его. А она все ждет. Потом она бросила все свое попеченье, пошла в деревню сама.

Пришла в деревню, а там у старой старушки крайняя изба, самая бедная в деревне. Настасья Прекрасная попросилась к ней на квартиру, та ее пустила. Она день живет — на рынок ходит, два живет — на рынок ходит. Все ходит, узнает про своего мужа. Увидели ее там, у этой старушки, соседи. «Что это у тебя за человек живет? Вот такая, мол, живет молодушка, а бабушка? Можно прийти?» Это один молодой человек спрашивает. «А приди», — отвечает.

Когда этому молодому прийти, бабушка крупу молола на жерновах. Настасья Прекрасная и говорит: «Бабушка, крупу-то мели-мели да еще поболе прибавь». — «А на что, дитячко?» — «А ко мне гость будет». А потом, когда гость приходит, этот молодец-то, к ней, она и говорит: «Ох, ты, бабушка, бабушка, крупу молола, а жернова-то не убрала! Пойду-ка я, бабушка, уберу». А этот парень-то говорит: «Давайте я уберу». Пошел убирать да всю ночь крупу-то и промолол. Она насыпать-то велела — все и молол.

Приходит домой да братьям-то и говорит (два брата еще у них в этом доме было): «У этой-то бабушки-старушки такая есть молодушка — я у ней, — говорит, — на ручке спал».

А бабушка на другой день стряпала да в печи помелом заметала. Она и говорит, молодушка-то: «Бабушка, ты помелом-то мети да мети, а из печи не вытаскивай». — «А почему, дитятко?» — «А ко мне, — говорит, — гость будет».

Вот когда вечером приходит гость, второй-то брат, она и говорит: «Ну, вот, бабушка, в печи-то мела-мела да и помело оставила». Старушка говорит: «Погоди, дитятко, забыла — уберу». Молодушка и говорит: «Да я, бабушка, уберу». А парень-то: «Чем тебе, так я уберу пойду». И пошел убирать. Всю ночь и промел до утра, все мел в печи. Потом домой приходит и говорит: «Ну, брат, ты на ручке спал, а я уж на мягкой перине. Ну и красавица!» А уж тот знает: «Ладно», — говорит. Третий-то говорит: «Ну, уж я помру, а пойду».

Вот опять эта старушка ходит взад-вперед, из двери в дверь, а молодушка и говорит: «Бабушка, ты ходи-ходи, а не закрывай дверь-то». — «А почему, дитятко?» — «А ко мне гость будет».

Так и не закрыли.

Приходит тот гость, а молодушка и говорит: «Ой, бабушка, ходила-ходила да дверь и не закрыла». — «Ой, дитятко, забыла, пойду — закрою». А молодушка: «Я, бабушка, закрою ее». Он и говорит: «Я пойду закрою». Да пошел на всю ночь-то и ходил, закрывал лбом. Стукнет лбом, а дверь-то захлопнется да и отскочит. Он опять. Да так всю ночь лбом и простукал. Пришел домой, на лбу вот этака шишка, пришел домой вот с таким волдырем. Ну, они посмеялись-посмеялись, с тем и остались.

Утром бабушка заводила квашонку гостей употчевать, тесто раскатывала, а молодушка-то и говорит: «Бабушка, продай колобушечки два теста». Та ей продала. Она состряпала голубя да и голубку из этого теста. Когда испекла голубков, рассчиталась с бабушкой за квартиру, за тесто, за все. Она уж дозналась, где муж-от. А Иван-богатырь — уж он женится. Сегодня девишник. Она с этими-то голубями и пришла к нему на девишник. Пришла она к нему, пустила голубей. Ну, они на брус и сели. Голубка за голубем ходит: «Кур-кур, сизенький голубчик, не спокинь меня, голубку, как спокинул Иван русский богатырь Настасью Прекрасную в чистом поле, в широком раздолье, в белом шатре». Тут все ошаропучели: что, дескать, такое?

А Иван-то сразу догадался, что они Настасью поминают. Ведь он ее оставил, он знает, что оставил! Спугнули голубей, они перелетели на божницу. Опять голубушка воркует: «Кур-кур, сизенький голубчик, не спокинь меня, голубку, как спокинул Иван русский богатырь Настасью Прекрасную в чистом поле, в широком раздолье, в белом шатре!» Иван-то спохватился и говорит: «Батюшка и матушка, будет мне жениться: есть у меня жена!» И взял Настасью Прекрасную за руку.

Голуби полетели по себе, а они пошли в свое место — туда, где и были, и свадьба разохлась.

Вот и все.

(Зап. от Е. Д. Клевцовой, г. Касли Челябинской обл., в 1948 г.)

Уральский фольклор. Ред. М. Г. Китайник. Свердловск, 1949.

Читайте также русскую сказку "[Морской царь и Василиса Премудрая](#)".